

Исторические причины забвения и пути реставрации вклада «Филологических записок» в отечественные языкознание и педагогику

Historical reasons for the oblivion and ways of restoration of the contribution of the “Philological Notes” to Russian linguistics and pedagogy

Лазарев А.И.

Учредитель, Историко-филологический фонд им. А.А. Хованского
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.,

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются исторические причины, негативно повлиявшие на сохранение языковедческого и педагогического наследия журнала «Филологические записки» А.А. Хованского, а также обозначаются перспективы его реставрации и развития в современных условиях.

Ключевые слова: история педагогики, сравнительно-историческое языкознание, живое слово, эвристика, дидактика, воспитывающее обучение, методики преподавания.

Abstract

The article discusses the historical reasons that negatively influenced the preservation of the linguistic and pedagogical heritage of the journal “Philological Notes” of A.A. Khovansky, and also outlines the prospects for its restoration and development in modern conditions.

Key words: history of pedagogy, comparative historical linguistics, living word, heuristics, didactics, educational teaching, teaching methods.

Журнал А.А. Хованского «Филологические записки» несомненно относится к числу лучших отечественных научных изданий XIX в., однако в XX в. его наследие надолго оказалось вне сферы исследовательского внимания, особенно в своей педагогической части. В значительной мере на такое развитие событий повлияла политическая ситуация, в которой обращение к изданию, специально посвященному сравнительно-историческому языкознанию, было буквально табуировано. Главным образом это было обусловлено доминированием в первые десятилетия советской власти «нового учения о языке» Н.Я. Марра и связанными с ним репрессиями по отношению к представителям традиционных лингвистических взглядов, на почве которых строилась и отечественная педагогика [5].

Во второй половине XIX в. в журнале А.А. Хованского велась активная работа по созданию *хорошего* учебника для преподавания русского языка в средней школе, ориентированного в воспитательном отношении на христианскую нравственность, а в образовательном — основанного на сравнительно-историческом языкознании, поскольку редактор считал, что изучать и преподавать язык таким путем «и вернее, и надежнее».

Результатом коллективных усилий российских академиков, университетской профессуры и школьных учителей стала эвристическая методика интеллектуального и нравственного развития «Живое слово». Однако впоследствии христианская направленность методики оказалась неприемлемой для советского этапа развития педагогической науки, что проявилось уже в самые первые годы новой власти, в ходе антирелигиозной борьбы в школьном воспитании [38].

В годы разгула марризма, когда компаративистика была признана ложным буржуазным учением, попало в опалу и педагогическое наследие журнала А.А. Хованского, содержащее ценнейшие разработки, не потерявшие актуальность и в наше время, более того, получившие в начале третьего тысячелетия новый импульс в связи с развитием эвристической технологии в образовании [36]. В тот же период (на фоне борьбы с компаративистской) на педагогический пьедестал был возведен К.Д. Ушинский, представленный марксистской наукой едва ли не единственным основоположником российской педагогики [17]. Тогда политические условия, названные ак. В.М. Алпатовым временем «научных мифов» [2], не позволяли отдать должное таким предшественникам выдающегося отечественного педагога, как ак. Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский и другим, полагавшимся в определении этимологических значений слов на сравнительно-исторические данные и строившим на этой почве методику преподавания родного языка [5].

С целью реставрации педагогического наследия «Филологических записок» к 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского на базе Воронежского государственного университета, Воронежского государственного педагогического университета и Института высоких технологий была организована международная научно-практическая конференция, главная цель и ключевые задачи которой изначально состояли в следующем: на фоне сопоставительного анализа учебников «Родное слово» и «Живое слово», направленного на выявление их общих достоинств и частных преимуществ, обозначить роль журнала «Филологические записки» в становлении воронежской региональной и общероссийской научно-педагогической школ, а также – довести результаты этих исследований до сведения российской преподавательской общественности и, прежде всего, до её региональной части.

В ходе сопоставительного анализа, включающего в себя сравнение заглавий с учётом их контекстуальной полисемии, или лексико-семантической вариативности, удалось выявить ряд ключевых преимуществ методики «Живое слово». Прежде всего, это касается названных *живым словом* диалогического и эвристического приёмов в подаче материала, повышающих качество взаимодействия учителя и ученика [40].

Как показали исследования, в учебнике «Родное слово», включая «Книгу для учащихся» и «Рекомендации к преподаванию по "Родному слову"», об эвристике даже нет упоминания ввиду направленности учебника на младшую возрастную аудиторию [32], т.е. этот приём не получил у Ушинского практического применения в прижизненных публикациях, а увидел свет только в 3-м томе «Педагогической антропологии», систематизированном и изданном А.Н. Острогорским в 1908 г., тогда как в «Живом слове» он был предложен Барсовым в качестве основы для построения *Методики русского языка*, предметом которой стало *живое родное слово*. Именно в «Филологических записках» впервые прозвучала идея – создать на основе *ЖИВОГО СЛОВА* (для преподавания *Русского языка как единого целого*) специальную методику, подходящую для обучения и начальному, а затем и объяснительному чтению, грамматике и логике, сочинению и этимологии, теории и истории словесности в курсах низших и высших классов [10].

Размышляя в «Родном слове» о том, как следует организовать процесс, Ушинский рассматривал только первичное звено обучения чтению, тогда как Барсов стремился охватить «Живым словом» всю образовательную траекторию, реализуя принцип преемственности и

имея в виду полное становление личности обучающегося в его поступательном движении к самостоятельному, зрелому мышлению: *к овладению родным русским языком*. Впоследствии на страницах «Филологических записок» появилась мысль применить эту технологическую составляющую и в обучении истории и географии. Таким образом, можно утверждать, что за истоки региональной научно-педагогической школы следует принимать не столько наследие Ушинского, сколько традицию воспитывающего обучения *родному слову* именно на основе *живого слова*, выступающего в роли *антропологической инициативы отечественной педагогики* [6].

Изучение *биографии метафоры*, взятой в заглавие эвристической методики, позволило открыть глубочайшие смыслы содержания и основ региональной традиции, не случайно названной современными исследователями *животворной* [28], а также обнаружить её истоки, берущие начало в классическом философском и богословском наследии.

Прежде всего *живое слово* выступает знаковой метафорой, отмечающей такую важнейшую ступень в развитии человеческой цивилизации и культуры, как изобретение письменности и, начиная с этого момента, служит ярким маркером для различения двух ключевых традиций – устной и письменной речи. При этом наблюдается её амбивалентный характер, т.е. в некоторых аспектах она может относиться не только к устной речи, но и к письменному тексту.

В связи с *живым словом* выделяются также и две основные формы ораторского искусства – гражданское и церковное, т.е. проповедь (при этом в южнороссийской школе, включающей и воронежскую, *живым словом* принято считать не заученные и художественно прочитанные, а исключительно импровизированные речи).

В христианском богословии *Живое Слово* выступает как *метафора метафор*, открывающая путь к ключевым понятиям и символам вероучения... В *ЖИВОМ СЛОВЕ* как в *АКТЕ ТВОРЕНИЯ* разным *языкам* является *СОЗДАТЕЛЬ*.

В классической философии *живым словом* называют *сократический приём* в построении между Мастером и учеником развивающего диалога, порождающего у последнего способность к самостоятельному диалектическому и критическому мышлению и определяющего его этику. В связи с этим различаются и приёмы преподавания – *догматический*, или *акроаматический* (слушать), сообщающий ученику готовый материал для изучения, и *эвристический*, или *эроматический* (спрашивать), заставляющий ученика (при помощи учителя) производить материал для новых представлений, понятий и мыслей [37].

В русской педагогике «Живое слово» оглавляет эвристическую методику интеллектуального и нравственного развития, сочетающую образовательный и воспитательные процессы. И именно благодаря трудам основателя и редактора журнала «Филологические записки» в отечественной науке эта *базовая метафора* [15] закрепились как имя оформленной, эффективной, развивающей методики. Таким образом *фундаментальная метафора*, содержащая в себе целый ряд ключевых контекстуальных понятий европейской и мировой культуры, выступив во второй половине XIX в. в роли заглавия методики, вполне соотносима теперь с таким фундаментальным понятием современной педагогики, как *технология*.

Между тем уже в начале XX в. обнаружилось нарушение преемственности между наследием «Филологических записок» и представлениями в *Российском образованном обществе* об истории появления метафоры *живое слово* и её содержании как в отечественной светской научной традиции, так и в церковной. В частности, это можно отметить в связи с учреждением «Института живого слова», основатели которого представляли себе разработку школьной методической составляющей *живого слова* как задачу прежде ещё не решаемую, утверждая на учредительном собрании, будто бы раньше учили только «правильно писать и читать [и] никому не приходило в голову учить и учиться правильно и чисто говорить, произносить» [13]. Удивительно

мало внимания было уделено *живому слову* как методическому приёму и в труде С.И. Гессена «Основы педагогики» (1923), признанном впоследствии одним из лучших в XX в. [9]. Причины этого разрыва в национальной традиции, при том, что к открытию института (1918-1924) методика «Живое слово» пережила уже несколько изданий, предстоит ещё выяснить и как следует осмыслить, но уже теперь известен ряд обстоятельств и фактов, касающихся советского времени.

Так, со второй половины 20-х годов XX в. для *живого слова* в отечественной гуманитарной мысли наступили "чёрные дни": и на почве новых постулатов "марксистского языкознания" и "нового учения о языке", и – осуществления Наркомпросом "коренного перелома" в ходе антихристианской классовой борьбы на "идеологическом фронте школьного образования" (под руководством Н.К. Крупской, Л.М. Кагановича и др.) [38]. Прежде всего потому, что сама только метафора обращала педагогическую мысль сразу и к христианским духовным и воспитательным ценностям, и в сторону компаративистики. И даже после прекращения репрессий по отношению к учёным, рассматривавшим сравнительно-историческое языковедение как одно из значительных достижений европейской филологической мысли, эта область знания долгое ещё время носила клеймо "буржуазного учения", т.е. неприемлемого в советской науке, на время как бы превратившейся в "научное направление по изучению языкознания в целях социалистического переустройства общества". К тому же вместе с "оттепелью в советской области" начались новые "заморозки в области христианской".

В таких политических условиях не было возможности дать объективную оценку и методике «Живое слово», и журналу «Филологические записки», и его редактору. Особенно это заметно по анализу статей, посвященных столетию издания и написанных советскими учёными, уважаемыми преподавателями Воронежского государственного университета и педагогического института, среди которых В.И. Собинникова [29], З.Д. Попова [22], А.А. Слинко [27], А.И. Немировский и др.

Несмотря на наипочтеннейшие отзывы о редакторе лучшего русского филологического журнала со стороны самых выдающихся деятелей отечественной науки XIX в., в советском юбилейном сборнике о нём упоминается как бы между прочим, как о бедном скромном учителе, хоть и великом труженике, но вовсе при этом игнорируются и Золотая медаль, присуждённая журналу на 1-ой Всероссийской выставке печатного дела (1895), и государственные награды редактора от Российского императора, ордена Св. Владимира и Св. Анны, заслуженные на основании вклада в отечественную педагогику, и личное внимание к его персоне со стороны Министра народного просвещения. К тому же абсолютно пренебрегаются его достоинства не только как издателя и редактора, но и как совершенно исключительной в духовном и социальном отношении личности, тогда как это имеет чрезвычайную важность и в связи со словами К.Д. Ушинского о выдающейся роли личности в воспитательном процессе [30; 31], и в связи с теми методическими принципами, на которых строилось «Живое слово».

«*Высокочтимый*», «*учитель учителей*» и «*учитель жизни*», «*маститый руководитель*», «*учитель и друг*», «*неутомимый*», «*энергичный*», «*образцовый труженик*», «*прекрасный человек*», «*глубокоуважаемый*», «*редкий по своим духовным качествам*», «*бессребреник*», «*маститый и великий старец*», «*духовный отец*» и «*добрый гений*» – вот далеко не исчерпывающий список эпитетов, взятых из разных периодических изданий и писем семье А.А. Хованского и редакции его журнала [25]. Преподаватель Воронежской духовной семинарии и один из сотрудников журнала Г.И. Недетовский писал о его редакторе следующее: «*Столь продолжительное и столь успешное издание научного журнала в провинциальном городе есть подвиг, к совершению которого может оказаться способною лишь мощная духом*

личность. Хованский заслужил к себе глубочайшее уважение прежде всего как редкий *герой труда и активного терпения*» [19]. Автор грамматики русского языка К.Г. Говоров в упоминаниях о Хованском обычно приобщал к его имени титул «*Domine*».

Едва ли найдется в среде педагогических светил много иных персон, получивших более почтительные отзывы о личностных достоинствах, чем воронежский редактор!

Советскими же учёными А.А. Хованский был обвинен в отсутствии твердой политической позиции и игнорировании в науке принципов классовой борьбы, а его желание – программно заявленное уже в первом номере журнала – дать в своем издании место конструктивной критике (даже для критики критики) и его стремление на этой почве к объективности в рассмотрении материалов было определено как тенденциозность, беспринципность и эклектизм (!!!). Вот такой "вердикт" вынесли советские исследователи о личностных и профессиональных достоинствах редактора, руководствуясь уже тенденциозностью марксистско-ленинской.

Несмотря на то, что на обложке каждого номера журнала была чётко обозначена его специализация на сравнительно-историческом языкознании как на самом прогрессивном в своё время подходе к изучению русского языка, о такой ориентации издания в советские годы практически нет упоминаний. Вся эта область лингвистики, определяющая принципы выявления значений слов в русском языке и послужившая в европейской науке основой для составления этимологического словаря М. Фасмером [33], практически выпала из сферы допустимых в советских условиях исследований. В связи с такой внутривосточной конъюнктурой, некоторое время вовсе исключавшей изучение достижений многих отечественных и европейских языковедов, педагогическое наследие «Филологических записок» не было подвергнуто надлежащим тщательным исследованиям и дальнейшему развитию.

Вместе с тем и методика «Живое слово» стала рассматриваться тогда исключительно в связи с преподаванием литературы, при совершенном игнорировании намерения А.В. Барсова сделать её основой именно Методики русского языка как единого целого [4]. И если литературоведческим вопросам была посвящена кандидатская диссертация А.А. Слинко, то педагогического наследия воронежского издания до сих пор не касалось ни одно исследование диссертационного уровня. В результате влияния этих обстоятельств и сам журнал был возрожден на филологическом факультете ВГУ лишь как вестник литературоведения, оставив лингвистику и педагогику в далёком прошлом. Характерно, что в восстановленном журнале не было опубликовано ни одной статьи (!), посвященной заслугам и выдающимся личностным качествам его основателя.

С большой уверенностью можно утверждать, что именно на почве последствий тех репрессий по отношению к сторонникам компаративистики, на рубеже XX и XXI вв. возник ряд маргинальных лингвистических теорий, которые не смогли бы появиться, сохрани наша наука все лучшие достижения филологии XIX в. Собственно методика «Живое слово», подразумевавшая обучение этимологии в связи со сравнительно-историческим языкознанием, не позволила бы достичь такой популярности как разного рода псевдонаучным фантазиям и ложным (народным) толкованиям слов, так и иным негативным (националистическим) тенденциям, имеющим место и в настоящее время. Другим примером косвенного проявления отрицательных последствий классовой борьбы в лингвистике можно назвать и сложности, возникшие у воронежских краеведов в определении этимологии названия реки и расположенного на её берегах города, в связи с чем появился ряд авторский версий, не лишенных оригинальности [12; 23], но отстраненных от ключевых компаративистских принципов, обозначенных в «Филологических записках».

Ещё одним подтверждением негативного влияния «марксистского языкознания» на отечественную филологическую науку в целом могут послужить некоторые детали монографии профессора Белгородского университета Н.Ф. Алефиренко «"Живое" слово: Проблемы функциональной лексикологии» [1], в которой автор связывает появление в научном дискурсе метафоры *"живое" слово* с творчеством Г.Г. Шпета, оставив достижения своих земляков без должного внимания [39]. Примечательно, что такое определение было сделано именно в пределах Харьковского университетского округа, где в XIX в. научно-педагогическое и риторическое *живое слово* особенно процветало. К тому же следует упомянуть, как в первые десятилетия XXI в. *"живое" слово* было представлено в когнитивных изысканиях, на перекрёстке теории и эксперимента в отечественной и зарубежной науке – в свете психолингвистической интерфейсной теории значения слова, разработанной ранее А.А. Залевской в Тверском государственном университете [11]. Однако и в относящихся к этой новой теории публикациях нет ссылок на достижения словесников XIX в., что в равной мере касается и развития технологии эвристического обучения А.В. Хуторским [36].

И только в последние годы, в ходе работы над материалами ряда конференций, удалось прояснить роль «Филологических записок» в обретении *живым словом* достойного места в отечественной педагогике, определить его богословские, философские и языковедческие истоки, установить связь методики с первым христианским трактатом «Педагог» [14] и философской школой, восходящей к сократической обучающей и развивающей практике («Федр», Платон).

В результате исследований ещё раз подтвердился приоритет журнала в официальной организации в Воронеже программной научной деятельности. Ведь если активность *Болховитиновского* и *Второвского кружков* была определена исследователями как культурно-просветительская, то начало официальной научной деятельности в Воронеже связано именно с филологией и педагогикой, именно с «Филологическими записками» [21], заложившими прочное основание для формирования региональной научно-педагогической школы, получившей впоследствии своё развитие в Воронежском государственном университете [7].

Все упомянутые здесь негативные факты ещё раз свидетельствуют, что причиненный филологической науке урон остается не восполненным и по сей день. И именно поэтому у региональной педагогической общественности в самом широком смысле отсутствуют внятные представления как о настоящих истоках воронежской школы, так и об их содержании! Несомненно, на фоне установленных достоинств методического наследия «Филологических записок» видится абсолютно недопустимым столь небрежное отношение к истокам региональной научно-педагогической традиции, буквально вопиющей о справедливом признании своих ярких достижений.

Это признание тем более необходимо, что на основании компаративистских исследований, осуществленных в ходе работы над материалами конференции, *живое слово* может быть рассмотрено теперь как нейробиологическая способность и эмоциональная потребность человека, проявляющиеся во взаимодействия тела, мозга и культуры; в контексте обоснования и построения *теории живого слова*. Особенную актуальность такая теория обретает в связи с необходимостью определения границ в отношениях между натуральной и виртуальной реальностью, между Живым Словом и Искусственным Интеллектом. Ведь *ЖИВОЕ СЛОВО* не только в своё время обозначило ключевой этап в становлении культуры, но и теперь служит для разграничения естественного и искусственного интеллектов, поскольку в своем бытии обусловлено и телесной, и эмоциональной, и духовной частями человеческой природы. И если компьютер способен думать и рассчитывать быстрее и лучше человека, то чувствовать и верить люди, будучи существами биосоциальными, могут только за себя сами. Так что благодаря *живому слову* теперь можно несколько скорректировать известное утверждение Декарта: *cogito ergo sum*, добавив к тому: *sentio ergo existo (vivo) – чувствую, значит, живу*.

Особое значение *живое слово* приобретает и на фоне новейших исследований в сфере *духовного интеллекта* [41], служащего основой как для *когнитивного*, так и для *эмоционального интеллекта*, но пока никак не соотносящегося со школьной педагогической практикой. Вот почему эти и другие аспекты *живого слова* должны быть подробно рассмотрены не только в контексте вопросов об *искусственном*, но и об *эмоциональном* и *духовном интеллекте*.

В настоящее же время можно лишь с горечью констатировать, что лучшие традиции региональной научно-педагогической школы не получили пока объективную оценку и единодушное признание в губернской педагогической среде, включая руководство Министерства образования [8], руководителей профильными кафедрами, преподавательским и учительским сообществом в целом. К сожалению, советским государством был нанесен настолько значительный ущерб филологической и педагогической мысли вообще и региональной гражданской инициативе в частности, что для его исчерпывающего восполнения потребуются ещё значительные усилия, но тем не менее методические и дидактические преимущества «Живого слова» необходимо сделать достоянием всего воронежского педагогического сообщества; семена *Живого Слова* должны дать новый урожай в новой образовательной и воспитательной реальности, укрепить в ней свои корни и принести плоды, достойные алтаря науки.

Вклад воронежского редактора в развитие российской педагогической мысли, его личный пример служения науке должны занять каноническое место в ряду заслуг виднейших деятелей в истории отечественного образования. И так же, как возведен на пьедестал, образно говоря, *глашатай поэтического живого слова* на воронежской земле – И.С. Никитин [20], несколько не меньшего почтения заслуживает за свой достойный вклад в развитие русской науки и *вестник педагогического живого слова* – А.А. Хованский [34]. Несомненно, его имя следует присваивать и улицам, и школам, и в первую очередь это касается городского округа г. Воронеж, ведь именно благодаря Алексею Андреевичу провинциальный губернский центр оказался в своё время в кругу университетских центров развития мировой гуманитарной научной мысли [16]. Именно благодаря методике «Живое слово» региональная школа, берущая истоки в классической педагогической теории и практике, по своему потенциалу оказалась в числе самых ярких и могущественных традиций, определяющих ключевые принципы отечественной педагогики. И именно связи с этим Воронежская научно-педагогическая школа может быть номинирована как *Школа живого слова*, а сам Воронеж – *городом живого слова*.

Благодаря журналу А.А. Хованского *Живое Слово* стало, пожалуй, самым впечатляющим символом региональной культурной и научной мысли, своего рода вехой или знаком, указывающим во времени и пространстве верное направление для развития лучших отечественных образовательных и воспитательных традиций.

Особое значение христианские пролегомены *Живого Слова* имеют в настоящее время – в постсоветский период *Российского православного ренессанса*. Ведь, метафорически говоря, ЖИВОЕ СЛОВО – это и есть тот самый КАМЕНЬ [1 Кор. 10:4], полагаясь на который, как на Архимедову точку опоры, можно перевернуть *педагогическую Землю*.

Для реставрации педагогического наследия журнала «Филологические записки» видится необходимым осуществить ряд исследовательских и популяризаторских мероприятий:

1. Организовать при поддержке Министерства образования Правительства Воронежской области и провести на базе ВИРО им. Н.Ф. Бунакова цикл лекций и мастер-классов для представителей педагогических коллективов высших и средних учебных заведений.

2. Составить обращение в городское Управление культуры о присвоении имени А.А. Хованского одной из новых улиц, а также – и строящихся школ.

3. Подготовить совместно с Воронежским епархиальным управлением и духовной семинарией презентацию, посвященную духовным основам региональной научно-педагогической школы, к традиционным Митрофановским чтениям.

4. Организовать и провести международную научно-практическую конференцию на общую тему «Живое слово в контексте искусственного, эмоционального и духовного интеллекта».

5. Рассмотреть вопрос о построении *Теории живого слова*.

6. Разработать и создать комплекс прогрессивных видов образовательных технологий, напр., мобильных подкастов, видеокастов и пр., способствующих развитию навыка владения *живым родным словом*.

7. Создать на базе областной библиотеки им. И.С. Никитина виртуальную *Библиотеку живого слова*.

Несомненно, реализация хотя бы части из обозначенных мероприятий будет способствовать реставрации вклада воронежских «Филологических записок» в отечественные языкознание и педагогику.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. – М., 2009. – С.11.
2. *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. – М., 2018. – 284 с.
3. *Арх. Амвросий.* Живое слово : [Пособие по гомилетике]. – Харьков, 1892. – 105 с.
4. *Барсов А.В.* Новый взгляд на преподавание русского языка // Филологически записки, 1888. – Вып. 1. – С. 1-21.
5. *Буслаев Ф.И.* О преподавания отечественного языка. – М., 1844. – 472 с.
6. *Валуев О.С.* Творение «живого слова» как антропологическая инициатива российского образования // Журнал филологических исследований, 2023. – Том 7. – Вып.2. – С. 51-56.
7. Воронежская педагогическая школа: дидактическая реконструкция : коллективная монография / Отв. ред. А.И. Лазарев. – Воронеж : Кварта, 2018. – 342 с.
8. Видео-лекция Министра образования Воронежской области Салогубовой Н.В для семинара «Воронежская педагогическая школа» // <https://www.youtube.com/watch?v=Ze6qRSaEfOс> (Доступно: 26.05.2024).
9. *Гессен С.И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. — М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
10. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам в связи логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно требованиям педагогических принципов / сост. А.В. Барсов; ред. А.А. Хованский. – Воронеж, 1889. – 91 с.
11. *Залевская А.А.* «Живое слово» и интерфейсная теория значения // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология», 2013. – №24. – Вып. 5. – С. 54-61.
12. *Загоровский В.П.* О древнем Воронеже и слове "Воронеж" Изд. 2. – Воронеж, 1977. – 104 с.
13. Записки Института живого слова. – Петроград, 1919. – С. 4.
14. *Климент Александрийский.* Педагог // пер. с греч. Н. Корсунский, Г. Чистяков; авт. предисл. И. Свиридов. – М., 1996. – 290 с.
15. *Красных В.В.* Базовые метафоры русской лингвокультуры в творчестве К. Васильева // Язык, сознание, коммуникация, 2014. – №. 49. – С. 5-12.
16. *Лазарев А.И.* Метафора «Живое слово» в лингвофилософском и богословском контексте: исследование фрагментов текстов в Google Books Ngram Viewer // Журнал философских исследований, 2024. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 40-62.
17. *Лазарев А.И.* Ушинский К.Д. и педагогическая мифологема: диахронический аспект // Журнал филологических исследований, 2023. – Т. 8. – Вып.2. – С. 12-19.

18. *Мальшев В.Б.* Фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры // Докторская диссертация. – СПб., 2013. – 379 с.
19. *Недетовский Г.И.* Письмо к двадцатипятилетию журнала // Филологические записки, 1887. – В. I. – С.4.
20. *Никитин И.С.* Монастырь // Сочинения И.С. Никитина, с его портретом, видом надгробного памятника, facsimile и биографией, составлен М.Ф. Де-Пуле. – Воронеж: Тип. В.А. Гольдштейна, 1869. – Т. I. – С. 209.
21. Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX – нач. XX в. // Ред.-сост. В.А. Тонков, О.Г. Ласунский. – Воронеж, 1970. – 424 с.
22. *Попова З.Д.* Публикации по общему языкознанию на страницах «Филологических записок» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1963. – С. 171-176.
23. *Попов П.А.* Воронеж: древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России / послесл. Н.Ю. Хлызовой. – Воронеж : Кварта, 2016. – 608 с.
24. *Правдолюбов С.* «Живое слово» архиепископа Амвросия (Ключарева) // Богослов.ру. <http://www.bogoslov.ru/text/520094.html> (Доступно: 29.02.2024)
25. *Прядкин С.Н.* Памяти Алексея Андреевича Хованского // Филологические записки, 1899. – В. I. – С.1-47.
26. *Русинова Е.Е., Лазарев А.И.* Учебники «Родное слово» и «Живое слово»: сопоставительный обзор // Журнал филологических исследований, 2023. – Том 7. – Вып.2. – С. 33-50.
27. *Слинько А.А.* Воронежские «Филологические записки» // Очерки литературной жизни Воронежского края. – Воронеж, 1970. – С. 229-247.
28. *Смирнова А.И., Калашиников С.Б.* Животворная традиция: о «Филологических записках» Воронежского госуниверситета // Вестник Волгоградского государственного университета, 2001. – Серия 8. – Вып. 1. – С. 88-91.
29. *Собинникова В.И.* Воронежские «Филологические записки» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1963. – С. 165-170.
30. *Ушинский К.Д.* О нравственном элементе в русском воспитании // Собрание сочинений. – М.,1948. – Т.2. – С.425-489.
31. *Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений. – М.,1948. – Т.2. – С.69-167.
32. *Ушинский К.Д.* Организация первоначального обучения по "Родному слову"/ Книга для учащихся // Собрание сочинений. – М., 1949. – Т. 6. – С. 251-257.
33. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка // Пер. с нем. и доп. ч-кор. АН СССР О.Н. Трубачева. Под ред. проф. Б.А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. – М.: «Прогресс», 1986.
34. *Хованский А.А.* Живое слово и живые факты // Филологические записки, 1898. – В. VI. – С.1-8.
35. *Хованский А.А.* От редакции // Филологические записки. – 1860. – Вып. I. – С.2.
36. *Хуторской А.В.* Эвристическое обучение: Теория, методология, практика. – М.: Международная педагогическая академия, 1998. – 266 с.
37. *Чудинов А.Н.* О преподавании отечественного языка: Очерк общей истории языкознания в связи с историей обучения родному языку // Филологические записки, 1870. – Вып. 5. – 260 с.
38. *Шевченко В.А.* Введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928-1929 гг.: «Необходимо ударить, кого следует, чтобы делу не мешали» // Российская история, 2009.– N1.– С. 86-96.
39. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. – М.: КомКнига, 2006. – 216 с.
40. *Bruni, A.* Scuole, Biblioteche, Mostre E Conferenze ...: Annuario Delle Biblioteche Popolari In Italia E All'estero ..., Milano, 1886, P. 79.
41. *Bowlby J.* A Book for Life: 10 steps to spiritual wisdom, a clear mind and lasting happiness. London, 2023, 256 p.